

30. НАРБ. — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 10870.
31. Лепешаў І. Я. Сучасная беларуская літаратурная мова : спрэчныя пытанні. Гродна : ГрДУ, 2002. 207 с.
32. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 12309.
33. Советская Беларусь / пад рэд.: В. В. Бедзіна, Ів. Шапавалава, М. Т. Лынькова. Менск : ДВБ, 1938. 92 с.
34. Печать СССР в 1928, 1933 и 1934 гг. М. : Изд-во «Крестьянская газета», 1936. С. 20—25 ; Печать СССР в 1939 году. Статистические материалы. М. : Изд-во Гос. кн. палаты, 1940. С. 64.
35. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13233. Арк. 179—180 ; НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13267. Арк. 167, 172.
36. Культурное строительство БССР : стат. справ. Минск : Изд. Упр. народнохоз. учета Бел. ССР, 1940. С. 24 ; НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13267. Арк. 168.
37. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 11021.
38. Платонаў Р. П. Лёсы: гісторыка-дакументальныя нарысы аб людзях і малавядомых падзеях духоўнага жыцця ў Беларусі 20—30-х гадоў. Мінск : БелНДДАС, 1998. 326 с.
39. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13225. Арк. 114—117 ; НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13246. Арк. 7—9 зв.
40. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 11638. Арк. 1—2 ; НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13224. Арк. 160—161.
41. Поташ М. К. 14-годдзю вызвалення БССР ад белапалякаў // Бальшавік Беларусі. 1934. № 13—14. С. 98—111.
42. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 10963.
43. НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 2131.
44. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13323.
45. НАРБ. Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13230.

УДК 316.7(476)

П. К. Банцевич, П. Т. Стецкевич

Учреждение образования «Гродненский государственный аграрный университет», Гродно

ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Введение. Проблема социально-культурной идентичности относится к разряду приоритетных в современном обществознании, поскольку она имеет непосредственный выход в социальную практику и относится к процессам социального управления. Невозможно определить основные направления и стратегии развития государства, не учитывая характер, специфику и ведущие тенденции развития социально-культурной идентичности общества. Будущее любой страны в значительной степени определяется теми жизненными и ценностными установками, моделями поведения и деятельности, которые доминируют в массовом сознании. Концептуальное осмысление процессов, связанных с социально-культурной идентичностью, является теоретико-методологическим основанием разработки эффективных механизмов предотвращения и разрешения социальных конфликтов, а также проектирования результативных социальных технологий.

Основная часть. Одним из мощных факторов, влияющих на формирование социально-культурной идентичности современного общества и определяющих доминирующие тренды её деформации, является глобализация. Глобализация — это сложная и противоречивая реальность настоящего времени, реальность крайне динамичная, в силу чего требующая постоянного пристального внимания исследователей. Именно поэтому все проблемы, связанные с ней, относятся к числу наиболее значимых. Глобализация — процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Мировое хозяйство, которое совсем недавно понималось как совокупность национальных хозяйств, связанных друг с другом системой международного разделения труда, экономических и политических отношений, втягивается в мировой рынок с тесным переплетением экономик на основе транснационализации и регионализации. На этой базе происходит формирование единой мировой сетевой рыночной экономики — геоэкономики и её инфраструктуры, разрушение национального суверенитета государств, являвшихся главными действующими лицами международных отношений на протяжении многих веков. Происходит мировое разделение труда, миграция в масштабах всей планеты капитала, рабочей силы, производственных ресурсов, стандартизация законодательства, экономических и технологических процессов, а также сближение и слияние культур разных стран. Это объективный процесс, который носит системный характер, т. е. охватывает все сферы жизни общества. В результате глобализации мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. Происходит как увеличение количества общих для группы государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов. Происхождение самого слова «глобализация» указывает на то, что ведущую роль в данном процессе играет бурный рост международной торговли. Глобализация нередко отождествляется с американизацией, что связано с усилившимся во второй половине XX в. влиянием США в мире. Голливуд выпускает большую часть фильмов для мирового проката. В США берут своё начало мировые корпорации: Microsoft, Intel, AMD, Coca-Cola, Procter&Gamble, Pepsi и многие другие. McDonald's из-за своей распространённости в мире стала своеобразным символом глобализации. При сравнении цены в разных странах на бутерброд BigMac из местного ресторана McDonald's, журналом The Economist анализируется покупательная способность разных валют (Индекс Биг-Мака). Однако в глобализацию вносят свой вклад и другие страны. Например, один из символов

глобализации — ИКЕА — появился в Швеции. Популярная служба мгновенных сообщений ICQ впервые была выпущена в Израиле, а известная программа для IP-телефонии Skype была разработана эстонскими программистами.

Как бы мы ни оценивали влияние глобализации на социально-культурную идентичность отдельных обществ (в контексте данного исследования — белорусского общества), как бы ни акцентировали внимание на негативных последствиях, её нельзя отменить, с ней приходится считаться.

Как отмечают исследователи, процесс глобализации содержит в себе три вектора: экономический, политический и культурный. Возникнув первоначально в экономике, глобализационные процессы распространились затем на политику и культуру. В настоящее время происходит становление глобальной (планетарной) цивилизации и формирование нового типа культуры (глобалтех). В основе постиндустриального общества лежит возрастающая интенсивность различного рода связей: политических, экономических, коммуникационных, культурных. Мир становится единым целостным социальным суперорганизмом, где все люди планеты являются гражданами единого глобального общества. Новейшие культурные достижения, произведения искусства, научные открытия, новые формы социальной и политической жизни, экономические реформы в течение короткого времени транслируются и усваиваются по всему цивилизационному пространству. Процесс «культурной» глобализации — явление неоднозначное, сопровождающееся целым рядом негативных последствий. К их числу, например, относятся стандартизация и унификация культур, их гибридизация. В этой связи решение проблемы выживания локальных, национальных, культур и определение исторической судьбы конкретных народов во многом зависит от того, в какой мере реальные носители национальной культуры сознательно причисляют себя к ней и, как следствие, заботятся о её сохранении и развитии. Например, популярные международные культурные явления могут вытеснять национальные или превращать их в интернациональные. Многие это расценивают как утрату национальных культурных ценностей и борются за возрождение национальной культуры. Таким образом, судьба конкретных культур в значительной мере сопряжена с характером и уровнем развития социально-культурной идентичности.

В последние десятилетия XX в. в пространстве социально-гуманитарного знания появилось понятие «цивилизационная идентичность», обозначающее сознательное причисление себя личностью, социальной группой, народом в целом к определённой цивилизации. Аналитики всё чаще делают выводы, что социально-культурная идентичность постепенно сменяется цивилизационной. Однако уточним: хотя культура и цивилизация сопряжены друг с другом, в целом они представляют собой относительно независимые явления. В цивилизации особую роль играет технология, с помощью которой общество устанавливает отношения с природой. Для неё характерны устойчивая организация, инерционность, порядок, дисциплина и т. д. Она стремится к всеобщности и универсальности, что особенно проявляется сегодня, когда на основе современных технологий создаются предпосылки для формирования единой универсальной цивилизации. Однако, как показывает современное общественное развитие, сведение всей культуры только к её материальной составляющей приводит к стагнации общества, к ослаблению в нём духовного и нравственного начал.

Проблема социально-культурной идентичности со всей остротой встаёт в постсоветских государствах, которые лишь недавно вступили на путь самостоятельности. В полной мере это относится и к Республике Беларусь.

Вместе с тем, несмотря на свою актуальность, проблема идентичности, а тем более социально-культурной идентичности, не имеет системной проработки. Более того, даже не очерчен круг вопросов, имеющих к ней отношение. Что касается белорусского обществознания, в нём данная проблема не только не получила серьёзного концептуального оформления, она даже не обозначена в качестве самостоятельной. Это открывает широкие возможности для теоретической деятельности в данном направлении.

В условиях продолжающейся системной трансформации и системного кризиса постсоветских обществ, включая белорусское, а также растущего влияния глобализационных процессов идентичность и идентификация существенным образом видоизменяются и приобретают новые формы.

Попробуем выявить основные причины, которые препятствовали процессу формирования белорусской самоидентичности.

Причина первая: окатоличивание. Массированное окатоличивание, которому Польша подвергла население бывшего Великого Княжества Литовского, при белорусской веротерпимости и бесконфликтности привело к трагическим последствиям: не только к стратификации, но и к общекультурному разрыву между массами и элитой — белорусской шляхтой и городским (особенно западнобелорусским) населением. Шляхтич-католик изначально имел преимущества в правах (включая права голоса и протеста, неприкасаемость личности и имущества), которые открывали путь не только к уважению, но и к обогащению. Поэтому переход шляхты в католицизм стал массовым. А за переменной конфессии неизбежно следовали переход на польский язык и изменение самоидентификации. В городской профессионально-ремесленной среде это происходило с помощью иного механизма — обучения (часто бесплатного) на польском языке в езуитских коллегиумах и школах. Отсюда отношение в образованной среде к белорусскому языку как к «мужыцкай мове». Показательно, что ни польская, ни русская культура не знали такого разрыва.

Причина вторая: Русско-польская война 1654—1667 гг. В 1654 г. на территорию Речи Посполитой вторглись войска Алексея Михайловича Романова. Война, которая длилась 13 лет, привела к сокращению численности населения на белорусских землях в два раза. Восстановление его на прежнем уровне произошло только в середине XIX в. За пределы Беларуси были вывезены не только библиотеки, книжные архивы монастырей, но и образованные люди, ремесленники, крепостные актёры и т. д. Значительная часть из них погибла в пути, а остальные были вынуждены прилагать свои умения и таланты на ниве другой культуры. Например, известно, что Валдайский,

Иверский, Воскресенский, Ново-Иерусалимский монастыри и Коломенский дворец созданы, в основном, руками белорусских мастеров. В самой же Беларуси ремёсла и через века не достигли прежнего расцвета.

Причина третья: эмиграция. Оказавшись в разграбленных городах, растерянные люди впервые стали покидать свою землю — и это в высшей степени оседлый народ. Особенно это касалось людей талантливых, способных найти себе применение и на чужбине. А горожане, амбиции которых были не такими высокими, перебирались в деревни, надеясь на то, что земля не подведёт, позволит прокормиться.

Причина четвёртая: разделы Речи Посполитой. В результате трёх разделов Речи Посполитой народ Беларуси снова оказался в составе Российской империи. Полнаправная этнокультурная самоидентификация белорусов (прежде всего высших сословий и городского населения) с момента распада Великого Княжества Литовского изменила восприятие себя как народа не успешного ни в политическом, ни в социокультурном и в конфессиональном отношениях. Вскоре началось очередное насильственное обращение белорусов, на этот раз — в православие.

Безусловно, все эти события повлияли на современную ситуацию, связанную с кризисом идентичности в белорусском обществе, упадком белорусского языка, неопределённостью в выборе исторических и социокультурных перспектив.

Кризис идентичности и идентификации на постсоветском пространстве наблюдается как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Кризис индивидуальной идентичности означает, что личность утрачивает ощущение своей целостности, а также целостности восприятия собственной жизни и судьбы. Кризис коллективной идентификации проявляется в том, что личность перестаёт отождествлять себя с некоторым определённым сообществом. Это нарушает процесс установления связи субъекта с социальным целым и ускоряет нарастание социальной нестабильности.

Основным показателем кризиса коллективной идентичности является существенное уменьшение числа людей, сознательно причисляющих себя к определённой коллективной реальности, которую они раньше поддерживали.

В белорусском обществе кризис идентичности обусловлен не только разрушением прежних социальных и политических структур, он напрямую связан с деформационными процессами в сфере культуры. И это не случайно — трансформация и разрушение культурных образцов всегда сопровождаются изменениями во внутреннем мире личности, поскольку значительная часть того, что думают и чувствуют индивиды, а также их представлений о себе формируется под влиянием культуры, к которой они принадлежат.

Духовный кризис, охвативший постсоветские страны, в качестве одного из компонентов содержал в себе кризис аксиосферы: развал идеалов коммунизма и коммунистической идеологии. Под влиянием глобализационных процессов система ценностей в постсоветском обществе приобрела особую остроту, поскольку в деформированное ценностное пространство стремительно ворвались идеалы западной массовой культуры, что значительно ускорило фрагментаризацию аксиосферы. Возникла сложная ситуация, когда в пространстве одной конкретной культуры одновременно начали функционировать диаметрально противоположные ценностные компоненты и координаты.

Кризисное состояние духовной сферы привело к разрушению практически всех прежних традиций, обеспечивающих сохранность коллективной памяти. В свою очередь исчезновение такой памяти всегда сопровождается крайне негативными социально-психологическими последствиями: личность начинает чувствовать себя оторванной от своих корней, не связанной с предшествующими поколениями и их судьбой — происходит разрыв межпоколенческих уз. Неприятие общего прошлого дополняется утратой веры в общее будущее.

В ситуации духовного кризиса не только у отдельного субъекта, но и у целых социальных групп возникает ощущение прерывности истории. Более того, в период социальной трансформации негативное восприятие прошлого не только поддерживают, но и инициируют политические элиты, утверждая, что предшествующее историческое развитие было ошибкой, отклонением от магистрального пути и что сейчас, с их приходом, начинается подлинная история. В результате у значительной части населения Республики Беларусь возникает желание отмежеваться от прошлого своей страны, убедить себя в том, что личная жизнь и судьба отдельного человека никак не связаны с социальными процессами. У представителей старшего поколения ощущение прерывности истории нередко дополняется ощущением того, что жизнь не состоялась, не удалась, а значит, лишена всякого смысла.

В ходе проведённого теоретического анализа было установлено, что проявления кризиса культуры и, соответственно, культурной идентификации стали очевидными в постсоветский период, однако предпосылки этих процессов начали складываться задолго до этого. Уже в 60-е г. XX в. у значительной части населения СССР стал постепенно формироваться «комплекс неполноценности» собственной культуры. Политическая установка «догнать и перегнать Запад», определяющая стратегию развития социума, имплицитно содержала в себе оценку западной культуры как эталонной и совершенной, а собственной — как культуры второго сорта, от которой следует избавляться. К началу системного кризиса советского общества массовое сознание было частично подготовлено к отказу от прежних ценностей и восприятию новых, как впоследствии оказалось, далеко не лучших культурных образцов.

Вместе с тем констатация кризиса идентификации не тождественна утверждению, что процесс идентификации прекратился. Как нельзя отменить поиск личностью смыслов собственного бытия, так и нельзя прекратить процесс идентификации. Другое дело, что в современных условиях он становится иным, протекает в новых условиях: в пространстве мозаичной культуры, где равноправно присутствуют альтернативные идеологические и аксиологические системы. Идентификация в таких условиях приобретает новые формы.

Обесценивание социальных и политических структур в глазах личности, утрата культурой ядра универсальности, отсутствие конструктивной исторической и межпоколенческой преемственности заставляют индивида искать

смыслы собственного бытия в границах повседневности и горизонтальных связей. И как следствие — бытовая сфера приобретает особую ценность, становится суверенной. Возникает сопричастность общему бытию вместо сопричастности общему благу. В белорусском обществе такая «бытовая идентификация» получила массовое распространение. Она свидетельствует о разрушении коллективной идентичности и разорванности «социальной ткани» общественной жизни.

Живя в обществе, осваивая культуру, личность одновременно включается в символическую среду и действует посредством её. Сталкиваясь с реальностью, человек переживает её, демонстрирует к ней своё отношение. В процессе переживания своего бытия личность использует символы — «символизирует» реальность, приписывая ей определённые значения, которые никогда не совпадают с их строгим семантическим определением. Разнообразие интерпретаций становится возможным потому, что все языки и языковые формы кодируют, удерживают в себе многозначность. В реальной человеческой коммуникации всегда существует зазор между символами и закреплёнными за ними символическими значениями. В связи с этим вся реальность, воспринимаемая субъектом, является виртуальной. Виртуальная реальность — это реальность, переживаемая субъектом лично и представляемая им с помощью символов.

В пространстве современной культуры складывается иная ситуация. Благодаря средствам массовой коммуникации, сама реальность полностью воспроизводится с помощью виртуальных образов. Зазор между реальностью и виртуальностью исчезает, и именно виртуальность начинает восприниматься как единственная реальность. Возникает новый феномен — реальная виртуальность — мультимедийный текст, который входит в жизненный опыт личности на правах подлинной реальности. В такой ситуации субъект переживает и интерпретирует уже не реальность, а виртуальность. С реальной реальностью субъект утрачивает связь и теряет над ней контроль. Поскольку средства массовой информации обладают способностью инкорпорировать в своё пространство любые формы проявления культуры, возникает дифференциация среди их пользователей, что приводит к появлению виртуальных сообществ. Формируется новая форма идентификации — идентификация с виртуальным, которая в то же время предстаёт как виртуальная идентификация.

В силу динамизма социальной реальности, особенно в периоды трансформации общества, субъект оказывается вынужденным менять сообщества, с которыми он себя отождествляет. В этом случае идентификация приобретает «эстафетный» характер. Наличие такой «скользящей», а точнее, постоянно ускользающей от субъекта, идентичности свидетельствует, что специфической чертой идентичности как результата идентификации становится неопределённость.

Одним из возможных векторов идентификации в условиях современных глобальных преобразований становится «ретро-идентификация» — возврат к первичным источникам идентичности. Если в современной России такой вектор идентификации хорошо просматривается в феномене «этнизации» и в возросшем интересе к религии, то в белорусском обществе, в силу незавершённости процесса формирования белорусской нации, в качестве такого первичного источника идентичности выступает территория.

Заметным явлением становится сегодня фрагментарная идентификация, воспроизводящая частичную личность, у которой сформированными и проявленными являются не все части её «Я». Современная массовая культура активно продуцирует клише, по которым субъект может идентифицировать своё телесное или социальное «Я», оставляя практически без внимания «Я-духовное». В этом же направлении действуют средства массовой информации, постоянно напоминая человеку, каким должно быть его тело. Идентификация, ориентированная на проявленность физического «Я», как правило, сопровождается высвобождением деструктивного бессознательного, что способствует дальнейшему углублению духовного кризиса. В мир входит кризисное сознание, восстающее против разума. Центральное место занимает уже не познание, а существование. Наступает пора иррационального умонастроения, когда истину стали искать не в разуме, а в бессознательном, подсознательном. Изменяется мироощущение людей, их духовно-мыслительные и культурные установки. Этому способствуют мировые войны, региональные конфликты, блоковые противостояния, показывающие неспособность людей устроить свою жизнь по законам разума и справедливости. Культ разума и духа сменяется культом тела, а это является главным признаком язычества. Темы, ранее считавшиеся аморальными и запретными, — насилие, секс, безумие, преступления — теперь легализуются и активно пропагандируются. Они становятся доступными и повсеместно входят в обыденную жизнь людей, утверждаются в самых различных сферах, освобождая от культурных запретов подсознательные инстинкты человека в реальном повседневном поведении. Благодаря СМИ, Интернету, неоязычество стремительно распространяется по планете, процессы своеобразного оязычивания проникают во все виды искусства.

Заключение. В белорусском обществе в условиях социальной трансформации существенным образом деформировался процесс идентификации. Он приобрёл новые формы, а его основными модусами стали неопределённость и фрагментарность. Это привело к изменению структуры идентичности, поскольку исчезли или существенным образом модифицировались социальные реалии, с которыми личность ранее себя отождествляла.